

Н.А. Морозов*

Воркуто-Интинский субрегион Коми АССР в 1940–1950-х гг.: социо-демографическое измерение

В статье раскрываются особенности промышленного освоения территории Воркуто-Интинского субрегиона, особое внимание уделяется составу и движению населения, проанализированы особенности медико-санитарного обслуживания различных категорий населения, проблемы рождаемости в местах лишения свободы.

Ключевые слова: Печорский угольный бассейн, угольные моногорода Воркута и Инта, п. Абезь, состав и движение населения, локальные сообщества, рождаемость в концлагере, медицинский персонал, санатории, Дом матери и ребенка, синдром детской госпитализации

N.A. Morozov

Vorkuto-Intinsky subregion of the Komi ASSR in the 1940–1950s: socio-demographic dimension

The article reveals the features of industrial development of the territory of the Vorkuta-Intinsky subregion, special attention is paid to the composition and movement of the population, the features of medical care for various categories of the population, the birth rate in prisons are analyzed.

Key words: Pechora coal basin, coal monocities of Vorkuta and Inta, Abez village, resettlement support structure, population composition and movement, local communities, birth rate in a concentration camp, medical personnel, sanatoriums, mother and child's house, hospitalization syndrome

Основная цель исследования: синхроническое изучение взаимосвязанных тенденций, составляющих жизнь городов Инты и Воркуты, рабочего поселка Абезь Интинского района; диахроническое изучение демографических аспектов жизни локальных сообществ в 1940–1950-х гг. с точки зрения системных противоречий и перемен (конфликты среди заключенных 1945–1947, амнистия 1953, реабилитация 1954–1956, ликвидация северных лагерей с 1957–1958 гг.); выяснение того, как нынешняя жизнь городов определяется их прошлым.

Объект исследования: локальные сообщества монгородов, их компактность и обособленность; врачебно-медицинская подсистема; социальная структура; взаимоотношения различных социальных групп; сопротивление насилию и произволу администрации лагерей.

Методы анализа: контент-анализ источников, статистические методы, метод сравнения, биографический метод, эмпирические и описательные методики, картографирование, кейс-стади, обобщение и концептуализация.

Первый очерк о регионе Инта–Абезь–Воркута написали Троицкий Николай Александрович (1903–2011; псевдоним Б.Ф. Яковлев) и А. Бурцов. С позиций структурно-функционального подхода авторы дали общую характеристику лагерно-производственного комплекса Инта–Абезь–Воркута (гл. 2). Выделены основные социальные группы населения, вкратце показаны их взаимоотношения. Особо выделена категория женщин-политзаключенных, трагизм детей, родившихся в местах лишения свободы. Содержится характеристика смертности подневольного населения. Отмечено постепенное улучшение медико-санитарной помощи больным как со стороны вольнонаемного медперсонала, так и медиков из числа заключенных, содержится анализ взаимоотношений этих двух категорий [1].

В статье В.И. Ильина [2] использован уникальный архивный материал, который позволил воссоздать картину глубокого социального расслоения населения Воркуты, которое приводило к серьезным социальным конфликтам. Это исследование открывало новые возможности в изучении социальной структуры наших северных городов (появляется модель «город-крепость» и «город-Корпорация»), их сложной социальной жизни и констатировали пропасть между теорией и практикой в реализации партийно-государственной политики тех лет (например, в том, что касается нормативных и реальных аспектов социальной стратификации).

* **Морозов Николай Алексеевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Коми республиканской академии государственной службы и управления, кафедра государственного и муниципального управления, moroz_04@rambler.ru.

В августе 2008 г. британские историки из Высшей медицинской школы университета Суонси (Swansea) начали вместе с российскими коллегами 3-летний беспрецедентный исследовательский проект по изучению врачебной практики и медицинской службы в бывших сталинских лагерях, поскольку, по мнению специалистов, эта тема остается неисследованной. Три проблемы оказались в центре данного проекта:

- 1) вопрос о том, чему служили врачи ГУЛАГа: заботились ли они об узниках или решали «экономические» задачи, связанные с угрозой невыполнения плана из-за нехватки заключенных?
- 2) в чем заключалась разница между советской «гражданской» и тюремной медициной?
- 3) какое влияние оказала система подневольного труда на советскую медицину в целом?

Итоги исследования были представлены на симпозиуме, который состоялся 26–29 мая 2005 г. в Центре Грегинго университета Суонси в Среднем Уэльсе. В изданном сборнике материалов (12 эссе, каждое примерно в 15 страниц), прослежены связи между советским режимом и профессиональным медицинским сообществом. Показано, как «государство и специалист танцевали в амбивалентном и не всегда гладко согласованном партнёрстве» [3].

Энн Эппельбаум на основе архивных документов приводит уникальные свидетельства о быте и нравах подневольного населения, анализирует лагерную иерархию, отмечает национальные и социальные особенности взаимоотношений заключенных, кошмар рабского труда, голода и унижений, описывает цену жизни и смерти, достоинства и низости, отчаяния и надежды, вражды и любви... [4].

Благодаря самоотверженному труду энтузиастов-историков и краеведов мы получили возможность узнать об истории медицины в Печорском крае и городе Инте. Несмотря на очерковый и биографический характер этих публикаций, слабую аналитику, мы получили возможность дополнить их исследования с привлечением архивного материала по Инте, Абези и особенно Воркуте. В русле региональной урбанистики идут интересные публикации Л.А. Максимовой [5].

Исследования «воркутинского феномена» канадским историком Аланом Баренбергом [6] показали, что Воркута была и остается активным городским центром со значительным населением, не связанным с прошлым, где границы, разделяющие лагерь и город, были достаточно проницаемыми, что позволяло заключенным устанавливать социальные связи, которые в конечном итоге помогали им в переходе к гражданской жизни. Своими публикациями Баренберг вносит важный исторический вклад в наше понимание принудительного труда в Советском Союзе и его порочного наследия.

Многие исследования носили в значительной степени справочно-биографический характер, что было связано со спецификой историко-архивной и краеведческой работы [7]. Но существовала традиция системного и ситуационного анализа данной проблематики [8], предпринимались попытки картографирования системы поселений Инто-Воркутинского региона с использованием картосхем литературных дел Интинского и Воркутинского ИТЛ из фондов ГАРФ, зарисовок по памяти бывших репрессированных [9].

В последние годы ведутся перспективные исследования локальных сообществ указанного региона с позиций социокультурного подхода [10]. Не остались в стороне и эконом-географы, которые активно разрабатывают модель самодостаточного арктического города, готового к решению стратегических задач на основе выполнения функций, целенаправленно формируемых с учетом местных ресурсов и возможностей межрегионального взаимодействия – на примере Воркуты [11].

Таким образом, в рамках традиционного системного и структурно-функционального подхода представители отечественной и зарубежной историографии сформулировали достаточно обоснованные модели социальных взаимоотношений различных групп населения Воркуто-Интинского субрегиона в период 1940–1950-х гг. При этом очевидно, что социо-демографические исследования находятся в начальной фазе изучения этой сложной и многогранной темы.

Заметно, однако, что от общих вопросов истории (особенно истории медицины) и социологи переходят к более конкретным: как менялись взаимоотношения между специалистами-заключенными и местными администрациями лагерей? Как было организовано взаимодействие врачей северных строек по лечению заболеваний, источником которых были невыносимые условия эксплуатации подневольной рабочей силы? Насколько эффективной была медицинская помощь беременным женщинам, женщинам и мужчинам, пораженных туберкулезом, венерическими заболеваниями, а также душевнобольным? В каких пределах медицина тех лет могла оказывать помощь детям, родившимся в местах лишения свободы и отправленным в детские учреждения для детей «врагов народа»?

Сложилось *два подхода* к этой проблеме: одни считают, что при всех своих недостатках лагерные санчасти в самых уродливых вариациях содержали все-таки в себе элементы милосердия. Достаточно появления одного-двух настоящих врачей, и санчасть становилась источником спасения [12]. Другие утверждают, что лагерные врачи были частью Системы и зачастую поступали вопреки клятве Гиппократата [13].

«Врачи находились под страшным давлением противоборствующих сил. Если у них из-за неоказания медицинской помощи слишком много заключенных умирало, им грозили неприятности или даже лагерный срок, с другой стороны, на них воздействовала самая жестокая и агрессивная часть лагерной уголовной элиты, которой нужны были освобождения от работы. Если врач хотел давать отдых действительно больным пациентам, он должен был сопротивляться натиску блатных» [14].

Из многого, что было необычным в лагерной жизни, возможно, самое странное было одновременно самым естественным: лагерный врач. Он был в каждом лагпункте. Если квалифицированных врачей не хватало, в лагпункте имелся, по крайней мере, санитар или фельдшер (с медицинским образованием или без него). Когда заключенный с нетяжелой формой цинги работал в бригаде, его шатающиеся зубы и волдыри на ногах никого не интересовали. На его жалобы начальство отвечало в лучшем случае презрением и насмешками. Сделавшись доходягой, он становился предметом злых шуток и издевательств. Но когда у него сильно поднималась температура или симптомы болезни принимали критический характер – иными словами, когда он уже «проходил» как больной, – этому самому умирающему немедленно давали «противоцинготный» или «пеллагрозный» паек и предоставляли всю доступную в ГУЛАГе медицинскую помощь. Этот парадокс был неотъемлемым элементом лагерной системы. С самого ее зарождения с больными заключенными обращались иначе, чем со здоровыми...

Среди заключенных возникали сообщества, которые способствовали выживанию. Члены этнических группировок – украинских, прибалтийских, польских, – которые доминировали в некоторых лагерях в конце 1940-х, создавали целые системы взаимопомощи. Другие эки за годы лагерной жизни терпеливо ткали свои независимые сети знакомств. А некоторые довольствовались одним-двумя чрезвычайно близкими друзьями.

Особую социальную группу составляли священники. К примеру, в поселке Инта и других территориальных образованиях комбината «Интауголь» их было 266 человек (всех конфессий). Это была настоящая «катакомбная» церковь, богослужения велись главным образом в шахтах и других потаенных местах (в Воркутлаге были известны своей духовной стойкостью священники Картанас, Станкявичюс, в Абези – епископ Лакота, в Инте – Мядджас и Василяускас)...

Рассмотрим социальный состав населения Инты и Воркуты в послевоенный период. Это были самые трудные годы. Главной проблемой людей был хлеб насущный. Интинские ветераны помнят, что такое «сухарик»... На Воркуте баланду не ели, а «трамбовали», избыточную кашу с маслом – «жрали», а вкусные деликатесы – «кушали». Возникали такие минигруппы по два-четыре человека, которые «вместе кушают», т.е. делят трапезу. Это подлинные консорции, члены которых обязаны друг другу взаимопомощью и взаимовыручкой.

Состав такой группы зависел от внутренней симпатии ее членов друг к другу, а точнее, от комплиментарности – поведенческого феномена, известного у всех высших животных [15]. Речь идет о консорциуме как ячейке локального сообщества, которая помогла выжить – и обогатиться интеллектуально! – каждому из его участников. Власть идеи, интеллекта, великого терпения ради Истины – вот ключевое звено цепочки властных отношений, которые сейчас принято называть стратегиями выживания...

Социальному сплочению этих локальных сообществ способствовало осознание этнической идентичности в рамках землячеств – украинского, литовского, белорусского и др. Наряду с этим, переплетаясь, активно развивалась и профессиональная идентичность – локальные сообщества группировались по местам работы/службы.

Социальные группы населения Воркуты и Инты к окончанию войны были представлены «гражданским населением» (6000 рабочих и служащих на Воркуте + 1500 в Инте, 3220 военнослужащих Воркуты + 950 в Инте, 6000 трудармейцев Воркутлага + 200 в Инте). Весьма интересен национальный состав 1666 охранников Воркутлага в 1942 г.: 975 коми, 496 русских, 162 украинца, 24 белоруса, девять татар и других национальностей.

В 1950 г. по Инте – из 950 военнослужащих 500 охранников (два старших офицера, 19 младших офицеров, 77 сержантов и 402 рядовых, 250 коми, 125 русских, 15 украинцев, 10 белорусов). К ним примыкал «надзорсостав», надзиратели – 431 чел., из них в подразделениях особого режима – 343 (на 25000 заключенных, в том числе 4500 женщин) (из отчета о работе политотдела Минлага за 1950 г.).

На 1 июля 1951 г. в Управлении Минлага работали 350 чел., в охране заключенных и надзоре – 3600 чел., вольнонаемных рабочих и служащих – 2650 чел., на спецпоселении и спецпереселенцев – 1250 чел., и 29 тыс. политзаключенных.

В шахтах работали 1113 вольнонаемных и 8000 заключенных, в капстроительстве – соответственно 10 и 913, на подсобно-вспомогательных работах – 14 и 395, в сельском хозяйстве – 381 и 398, ЖКХ – 141 и один, транспортно-разгрузочном отделе – 207 и 201, автобаза – 101 и 44, ТЭЦ – 209 и 224, в геологоразведке – 123 и 0, в интендантском снабжении – 0 и 22. Итого – 2650 вольнонаемных и 11410 заключенных [16].

Анализ соотношения этих двух категорий населения на весну 1953 г. показывает, что по большинству видов занятости преобладали заключенные. По режимным соображениям в геологоразведке не было ни одного

заклученного. На Интинской ТЭЦ соотношение примерно равное. А вот на участках с наиболее комфортными условиями труда (и оплаты труда) наблюдается преобладание вольнонаемных (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение вольнонаемных и заключенных
по предприятиям и организациям комбината «Интауголь» на 1 апреля 1953 г.***

Предприятия и организации	Вольнонаемные	Заклученные	Всего
Шахты	1113	8042	9155
В том числе: шахта №9	171	1201	1372
Шахта №11/12	–	716	716
Строительно-монтажная контора	24	1298	1372
В том числе: капстроительство	10	913	923
1-й стройучасток	–	377	377
2-й стройучасток	10	292	302
3-й стройучасток	–	244	244
Подсобно-вспомогательные предприятия	14	385	399
В том числе: ДОК	2	158	160
Кирпичный завод	–	157	157
Шлакоблочный завод	12	54	66
Мехмастерские	–	16	16
Жилищно-коммунальный отдел	141	1	142
Транспортно-разгрузочный отдел	207	201	408
Автобаза	101	44	145
ТЭЦ	209	224	433
В том числе: капстроительство	4	112	116
Эксплуатация	205	112	317
Сельское хозяйство	381	398	779
Леспромхоз лемью	107	766	873
Геологоразведочный отдел	128	–	128
Центральные пошивочные мастерские ОИС	–	22	22
Всего по комбинату	2650	11410	14060

Списочный состав заключенных за январь–сентябрь 1951 г. показывает стабильную цифру – около 35 тыс. чел. по всем подразделениям и лагпунктам. Санитарная служба зафиксировала за этот же период времени среднее количество детей от матерей-заклученных – 244 ребенка. Анализ численности женщин-политзаклученных и «бытовичек» вместе с уголовницами показывает, что соотношение их в среднем было 1 к 10. Следовательно, число детей, родившихся от матерей с 58-й статьей, было в 10 раз меньше, чем от матерей указанных двух категорий. Но парадокс в том. Что шансов выжить у детей от матерей первой категории было во много раз больше (табл. 2).

Таблица 2

Справка о состоянии санитарной службы Минлага за октябрь (январь–сентябрь 1951 г.)**

Месяц	Списочный состав з/к	В том числе дети, родившиеся в зоне	Из них умерли
Январь	34 132	217	2
Февраль	34 952	244	1
Март	35 014	232	3
Апрель	34 946	235	1
Май	34 788	253	1
Июнь	34 827	261	1
Июль	34 737	243	–
Август	34 748	257	2
Сентябрь	34 644	253	1

* НАРК. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 891. Л. 71–72.

** ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 459. Л. 77, 80.

В послевоенные годы местные сообщества «вольных» и подневольных людей, несмотря на свою многочисленность, были территориально дисперсны и фрагментарны с точки зрения внутренней и внешней среды социальных взаимодействий. Огромное значение имело живое общение людей, в котором существовали два круга – ближний и дальний. Следовательно, для спасения детей, чьи родители пострадали от массовых репрессий, были задействованы все средства и связи не только с вольнонаемными врачами, но также и с врачами далеко за пределами Коми АССР.

Врач-рентгенолог Джозеф Шолмер пишет, что в начале 1950-х гг. существовали многочисленные подпольные организации по национальному признаку, которые имели руководящее ядро, технических специалистов (в том числе бывших военных), информационную службу и «политическое бюро». Русские группы были наиболее осведомленными, организованными и решительными. Бывшие офицеры Красной армии даже тайно разрабатывали планы на случай новой войны между СССР и США [17].

В Инте такие организации продолжали действовать и после закрытия лагеря, уже в конце 1950-х гг., причем считалось важным устанавливать и поддерживать обширные связи с подобными антикоммунистическими организациями в национальных республиках СССР (наиболее многочисленной была организация западных украинцев «Объединяния»).

Существовали товарищества по интересам (спорт, коллекционирование, здоровый образ жизни, благоустройство территорий обитания и проч.). Все три вида идентичности представляли своеобразные каналы коммуникаций, которые пронизывали все сферы жизнедеятельности – подневольную и вольнонаемную, четких непреодолимых препятствий между теми и другими не было. Яркий пример – совместная работа вольных и заключенных в шахтах, на стройплощадках, учеба детей в школах, сфера медицинского обслуживания – при этом психологическая пропасть ощущалась остро и болезненно (молодая учительница 1-й школы выходит замуж за бывшего политзаключенного, и директор школы В.И. Ширяев ничего с этим поделать не может!).

В этом социальном пространстве огромную роль играли национальные землячества – украинское (Олекса Брыль), белорусское (Лариса Гениуш), литовское (о.Казимиерас Василяускас), латышское (Эдвардс Сидрабс), польское (Болеслав Рутковски), еврейское (поэт Иосиф Керлер на Воркуте)... Связи и обмен информацией были отлажены великолепно. Использовались самые разные коммуникативные технологии – если над бараком взвивался черный флаг – все знали, что люди просят поддержки, и она не заставляла себя ждать. Тем не менее законы конспирации требовали определенной замкнутости локальных сообществ вольных и подневольных, зависимых и независимых, – скованных особой психологией и менталитетом.

Как указали Барнс, Баренберг и другие историки, национальные сети стали повсеместными в ГУЛАГе во время и после Второй мировой войны из-за большого притока заключенных из западных окраин Советского Союза, особенно из стран Балтии и Западной Украины [18].

Многие из этих заключенных активно сражались против установления или восстановления советской власти в своих странах и поэтому были хорошо подготовлены к работе в тайных сетях в послевоенном ГУЛАГе. Такие национальные сети заключенных часто продолжались и после освобождения, поскольку вид помощи, который они могли оказать, оставался столь же важным в городе Воркуте, как это было в лагерном комплексе. Таким образом, многие бывшие заключенные оказались не в состоянии вернуться в западные пограничные районы из-за подозрений КГБ, и этот опыт, несомненно, укрепил чувство национальной идентичности...

Высокая социальная мобильность тружеников того времени не позволяла создавать стабильные локальные сообщества. Большинство интинских специалистов горного дела и рабочая сила прибыли из Воркуты. Например, жизненные траектории врача Евгения Петровича Адарича (1905 г.р.) и геолога Бориса Федоровича Бельшева. Бельшев Борис Федорович, один из первых геологов Инты, сын профессора Томского университета, репрессирован на 5 лет, работал в геологоразведке на Воркуте, в Инте и Абези. После освобождения в 1939 г. уехал в Иркутск, стал кандидатом наук, в Алма-Ате защитил докторскую диссертацию. Присутствовал на защите Константин Генрихович Войновский-Кригер и Василий Арсентьевич Барабанов (1900–1964), бывший начальник строительства железной дороги на участке Абезь – Сивая Маска. По свидетельству Айно Куусинен, они узнали друг друга и успели пообщаться [19].

Осмысливая этот социальный опыт, мы можем сказать о его «исторической актуальности», обозначающий способность людей к максимальному соучастию в социокультурных процессах при минимальном ущербе для собственной личности и деятельности ее «защитных механизмов».

Больничные городки (Сангородки).

Воркутинский ИТЛ. 10 мая 1938–1960-е гг.

Из литерного дела Речлага №3/6 за 1950 год :

На 1 января 1950 в Речлаге насчитывалось 1397 женщин (:3). На 1 дек.1949 – 3219 больных заключенных: поступили за декабрь – 1405, выписаны 1477 (умерли 24 чел.). Производственные травмы за декабрь 1949 г. – 293 случая, из них 6 смертельны и 22 тяжелых [20].

п.Мелкие шахты. С октября 1951 – Сангородок туберкулезный (ОЛП-10, см. рис. 1).

Сангородок лаготделения № 2 при шахте № 14 (Аяч-яга). В 1949 – 18 бараков на 1200 заключенных, затем до 2500 чел., смертность – по 30-40 человек в месяц. Начальник ОЛПа Мухин, нач.санчасти Норд (с 1951 г. – майор Васильева) [21].

Поселок Октябрьский: Сангородок женский 4-го лаготделения (далее л/о) при шахте № 6. С 1 августа 1949. При лимите наполнения 2700 чел., разместились в 1952 г. 3462 чел. Периметр зоны 1380 м. 56 бараков, в том числе в 15 бараках 1-го лагпункта располагался Сангородок Два дома младенцев – на 61-м л/о на 120 мест (при цементном заводе) и в 68 л/о на 240 мест (сельхоз «Горняк»).

Станция Песец, 63-е женское лаготделение (с 14 июня 1951)

Санчасть Полярно-Уральского управления Воркутлага (ОЛП-3, с 14.06.1951 – л/о 31). Рудник Харбей, добыча молибдена (с 1950). База – станция 106-й км ветки Чум-Лабытнанги (ныне – ст. Полярный Урал). 170 км от Воркуты. Закрыто весной 1953. На 1 октября 1951 списочный состав – 845 чел., в лазарете – 85 человек больных [22].

Станция Пышор – 65-й лагпункт женский, с 1945 г.

Станция Сейда – 64-й лагпункт женский, с 1945 г., сельхоз Заполярный (11-е лаготделение), Дом матери и ребенка для кормящих матерей, 350 детей (на 1 марта 1952).

Станция Чум, 65 км к югу от Воркуты. Сангородок (ОЛП-66, с 14.06.1951 – л/о 66) женский, для каторжанок (с 20.06.1950), с домом младенца. Здесь с 20.06.1950 г. находился женский 66-й лагпункт – инвалидный Сангородок и зона венерических больных (с 14.06.1951 – лаготделение № 66). Начальником отделения был П.С. Гончаров, а с февраля 1954 г. – Лигерман [23].

В 1951 г. здесь были 771 человек – 661 каторжанка и 110 заключенных женщин. При лаготделении был Дом матери и ребенка, а также Дом младенца на 120 мест (в 1.5 км от станции). В структуру отделения входили:

1. Женская зона № 1 (закрыта в июне 1953), стационары №№ 1 и 2 с хирургическим отделением и амбулаторией (подкомандировки на ст.Сивая Маска и в сельхозе «Победа»).

2. Женская зона № 2 облегченного режима, которая включала следующие подразделения:

лагпункт № 1 – сельхоз «Горняк», находился в 8 км на север от станции «Сивая Маска» (140 км южнее Воркуты), здесь были 240 женщин-заключенных (1953, июнь–сентябрь).

лагпункт № 2 – ст. Пернашор,

лагпункт № 3 – ст. Хановей – тяжелые туберкулезники, начальник Трубников (переведен в Абезь летом 1956).

Лагпункт № 4 – ст. Сивая Маска, переведен на общий режим, начальник Садиков. Партийная организация отделения – 38 коммунистов и 3 кандидата в члены партии (05.03.1957).

Первичная партийная организация здесь существовала с января 1953 по февраль 1957 гг., что косвенно указывает на время существования самого лагподразделения.

Ст. Никита на железной дороге Чум-Лабытнанги, в 90 км от Воркуты на восток. Лаготделение № 67 (позднее № 11) на 500 человек, Создано по приказу МВД СССР 00237 от 7 мая 1951 г. Здесь с 14.06.1951 находился туберкулезный сангородок — 7 каторжан и 846 заключенных (в их числе 200 женщин). 7 бараков площадью 877 кв.м. находились в неудовлетворительном состоянии. Начальник – старший лейтенант медицинской службы Гилевич (с 18 дек.1951) [24].

Станция Инта, 70-й лагпункт женский. Женщины работали также в с.Адзьва-вом, где одно время был сельхоз «Усинский».

Речной лагерь (особлаг №6, Речлаг). 27 авг.1948 – 26 мая 1954.

Лагпункт № 1 (Сангородок) в 4-м л/о при шахте № 6. 3000 з/к. Л/п №1 Сангородок, 700 з/к в 15 бараках, нач. капитан Фруктов Николай Петрович (с 10.08.1953). Большое кладбище з/к.

6-е л/о (мелкие шахты №№ 9,10,11). Нач.санчасти подполковник мед.сл.Герман Петрович Абиин.

7-е л/о Речлага, при кирпичном заводе № 2, 2000 з/к, женское. Периметр зоны 900 м., 17 бараков, 3 стационара на 180 мест. Начальник майор Корнев с апреля 1950 [25].

8-е лаготделение на Предшахтной при конторе Горстрой, женское, 1100 чел. Начальник – майор Жухлин Михаил Алексеевич с 16 января 1951 г. База торгового отдела комбината Воркутуголь.

9-е л/о Речлага, 2500 з/к при шахте № 8. 37 жилых бараков, 6 стационаров.

Лаготделение 12, женское, при кирпичном заводе № 1, образовано в ноябре 1950.

Л/о № 14 Речлага при шахте № 6 и ТЭЦ-2. 2000 з/к на 01.06.1954. Сангородок для туберкулезных больных, в километре от станции «Шахта № 6». Кладбище з/к [26].

Интинский ИТЛ. 17 нояб.1941 – 30 окт.1948.

Комедантский отдельный лагпункт (КОЛП), в его структуре был лагпункт № 2 – санитарно-лечебный, с 1942 г., 303 заключенных.

Сангородок (больничный) ОЛП-10 (1944–1946).

Сангородок ОЛП-5, пересыльный и больничный (1946–1948), ст.Предшахтная.

Сангородок ОЛП-15, п.Кырта: хирургия (на 45 мест) и терапия (на 70 мест).

Дом младенца на 40 детей в сельхозе Кедровый Шор.

Минеральный лагерь (особлаг № 1, Минлаг). 28 февр.1948 – 6 марта 1957.

Сангородок (5-е лаготделение). Существовало с 25 июня 1948 по 1956 гг. Дислокация – ст.Предшахтная. Профиль – карантинный, пересыльный, больничный. Сангородок со временем разделился на два поселка – Северный (для заключенных) и Южный (для вольнонаемных).

4-е женское отделение Минлага с Домом младенца и яслями для новорожденных (2399 чел., в основном бытовички). В 1950–54 гг. появился Новый сангородок (Новобольничный городок). Были построены 4 кирпичных здания – инфекционное, терапия, хирургия, родильное отделение.

10-е инвалидное лаготделение (п. Абезь), с 1949 г. Лагпункт № 1 женский, 2427 чел., лагпункт № 6 женский, 830 чел. Итого 3261 женщин. Много верующих, в том числе сектантов.

Северный железнодорожный лагерь (Печорлаг).

6-е отделение (станция Печора): 25-й (220 заключенных, с 1941 г.) и 26-й (303 чел., с 1947 г.) лагпункты на ст. Косью, лазарет.

7-е отделение (Воркута):

Станция Хановей – 10-й лагпункт мужской, больница, известен с 1945 г., 359 заключенных, в том числе 162 политических.

Ст. Мусюр, 15-й лагпункт женский, больница венерических больных на 160 чел., в том числе 29 политических (все сведения о численности – на 1952–53 гг.)

8-е отделение (станция Инта):

Ст. Кочмес, 14-й лагпункт, больница на 600 чел, в том числе 345 политических, известен с 1941 г.

Ст. Сарма-ю, 21-й женский лагпункт на 300 коек, известен с 1939 г.

11-е сельхоз отделение женское, около 1000 чел., в том числе 133 политических (Косью):

1-й лагпункт на ст. Косью, с 1946 г., 418 чел., в том числе 28 политических

3-й лагпункт на ст. Абезь, с 1940 г., 330 заключенных, 94 политических

7-й лагпункт на ст. Амшор, с 1941 г., 162 чел., в том числе 9 политических.

В Инте первый Больничный поселок возник в 1940–1942 гг. на том месте, где сейчас городское кладбище. Сюда по лежневке приходили пешие этапы заключенных с пристани 35-й километр, что на реке Уса при впадении реки Большая Инта, и заболевших оставляли в небольшом лазарете при пересыльном пункте. В 1943–1944 гг. его переместили на 3-й строительный район, на правый берег речки Угольной – рядом с Военным городком, к которому с восточной стороны примыкала огороженная колючей проволокой зона 12-й колонны мобилизованных немцев (с 1 мая 1946 г. – временный спецпоселок № 1).

Таким образом возник Новый Сангородок (ОЛП № 10) с оздоровительным пунктом на 500 заключенных, не считая временного оздоровительного пункта на 1000 коек, но вскоре его перенесли на станцию Предшахтная, куда по железной дороге или в пешем строю с вокзала прибывали многочисленные этапы заключенных, среди которых особо выделялся Франкфуртский этап, который шел из Германии в Череповец, а затем часть осужденных за сотрудничество с немцами прибыла в Инту. Это было в конце января – начале февраля 1946 г. Среди прибывших были самые известные впоследствии люди Инты – Николай Печковский, Александр Ордынец, Ольга Ивановна Ачкасова-Юниус, Эмма Гольдакер, Лариса Антоновна Миклашевич-Гениус, Тамара Вераксо и др. Они создали на базе Дома культуры шахтеров настоящий профессиональный театр и новый круг общения, новую социальную группу.

Центром медицины стал новый Сангородок, находившийся примерно в километре от Предшахтной. Там, на возвышенном сухом месте, в 1946 г. стояли 5-6 деревянных барakov, в которых находились на излечении больные заключенные. Первыми врачами были Евгений Петрович Адарич и Карл Карлович Клинберг, в палатках и полуземлянках, а затем в женском бараке принимавшие роды у первых рожениц Инты. Это опытные терапевты Генрих Леопольдович Глазер и Алексей Михайлович Дьяков, опытный врач из Ленинграда, патологоанатом Марк Захарович Котик, детские врачи Антонина Владиславовна Добровольская и Ольга Семеновна Садыкова, заведующая первым акушерским отделением Людмила Михайловна Чмелюк,

зубной врач Мария Николаевна Цыбина, опытный психиатр Петр Павлович Нокс, первый руководитель новой поликлиники № 1, врач Анна Михайловна Семенова. Органично вписались в новый коллектив медики Анна Дмитриевна Лукьянова, Макс Абрамович Хигер, Цилия Михайловна Выгон, Архип Степанович Косматый, Татьяна Георгиевна Новикова, первый санитарный врач Инты Абрам Ефимович Трахтенбойт, врач-эндокринолог, а затем заведующая туберкулезным отделением Тамара Михайловна Суркова.

В 1950 г. начал оформляться и новый Больничный городок при 5-м лаготделении Минерального особого лагеря № 1. Первыми были построены вблизи реки Угольной два кирпичных одноэтажных корпуса, в которых разместилось инфекционное отделение городской больницы (для вольнонаемных и заключенных). В 1952 г. было сдано в эксплуатацию здание терапии, на двух этажах которого также разместились многие отделения больницы. Через два года было построено двухэтажное здание роддома.

В центре города 10 декабря 1955 г. была построена поликлиника № 1, которой долгие годы руководила Клавдия Михайловна Кобец. В 1950–1960-е гг. здесь работала целая плеяда замечательных врачей – А.Н. Ушакова, Л.В. Орлова, Н.П. Балюнова, Е.П. Адарич, супруги С.М. и Л.Л. Борисовы, И.И. и Е.М. Отлейкины, хирурги Д.Е. Раппопорт, Г.В. Щербина, А.В. Переляева и др.

В 1950–1951 гг. начальником санчасти пятого лагерного отделения работала врач Таисия Яковлевна Генис, жена начальника теплосилового хозяйства Инты вольнонаемного инженера Наума Борисовича Брейзмана. В узком кругу друзей они рассказывали о многих «чудесах» лагерной жизни. Особенно тягостное впечатление в 1952 г. произвело дело кремлевских врачей. В комбинате «Интауголь» было немало евреев, в том числе и среди врачей. Все переполошились, даже закоренелые коммунисты. Друг семьи Брейзмана В.М. Быховский узнал, что среди «убийц в белых халатах» оказался и муж его двоюродной сестры – Борис Ильич Збарский, лауреат Ленинской премии, трижды Герой социалистического труда. Это он бальзамировал тела Ленина и Георгия Димитрова. Арестована была и его жена Женя Збарская (девичья фамилия Перельман). Вскоре на Воркуте и в Инте появились врачи и медработники, пострадавшие от этой новой волны репрессий [27].

Абезь. Абезьское лаготделение №10 (до 1950 г. – шестое лаготделение). Поселок Абезь располагался в 100 км северо-восточнее Инты на правом берегу р. Уса (см. схему 1). Здесь в лагпунктах № 1, 2, 3, 4, 5, 6 содержались 11379 политзаключенных. По приказу МВД СССР № 00502 от 1949 г. лимит наполнения был установлен в пределах 5 000 чел., но в феврале–марте 1950 г. по просьбе управления Минлага он был увеличен до 11 000, фактически:

На 1.12.1949	На 1.01.1950	На 25.02.1950	На 1.04.1950	На 1.07.1950	На 1.09.1950
5 133	5 788	9 000	9 087	10 599	11 100

К моменту передачи в Минлаг Абезь уже была инвалидным лаготделением. Сюда посылали инвалидов и неизлечимо больных не только из Инты, но главным образом из Воркуты и Устьвымлага (соответственно 10000 и 400 человек).

Лагпункты	Количество заключенных	В том числе уголовных	Примечания
№ 1	1363	3	Мужской
№ 2	2427 ж.	2	Женский
№ 3	2431	7	Мужской
№ 4	2723	3	Мужской
№5	1605	1	Мужской
№ 6	830 ж.	–	Женский
Всего	11379 (3250 ж., 3.0%)	16	

Источник: ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566.

Врач-зэк (или бывший зэк), работая в медслужбе, становился членом лагерной администрации («придурком»), в частности, получал более высокую категорию питания. В его обязанности входили контроль за качеством пищи, прием больных в медпункте и выдача освобождений от работы, направление тяжелобольных в больницу, лечение госпитализированных пациентов и участие в так называемых медкомиссиях, которые после беглого осмотра эзков оценивали их физическое состояние и зачисляли в ту или иную «трудовую категорию» по состоянию здоровья.

Медкомиссии для эзков, сидевших в лагере, проводились чаще всего ежеквартально. Они созывались также для оценки физических сил тех, кого выписывали из больницы. Врач принимал участие в обсуждениях, когда дело доходило до обмена заключенными с соседними лагерями. Роль врача в комиссии оказывалась самой неблагодарной, ибо от его решения или молчаливого согласия в значительной мере зависела судьба заключенных; тех, кто получил высшую «трудовую категорию» по состоянию здоровья, отправляли на самые тяжелые «общие работы» за пределами лагеря, где многие быстро деградировали как психически, так и физически и погибали от истощения и голода.

«Сидело несколько врачей. Осматривали, говорили: «Так. Дистрофия есть?» – «Есть». – «Цинга есть?» – «Есть». Слушать не слушали никогда. «Ноги распухшие?» – «Распухшие»», – вспоминает медицинскую комиссию в Абезьском лагере бывшая заключенная Сусанна Печуро, попавшая туда в возрасте 17 лет. Регулярный осмотр комиссия проводила раз в квартал, иногда чаще – если приезжали так называемые работорговцы (представители других лагерей, которым требовалась дополнительная рабочая сила).

Как уточняет исследователь истории санитарной службы ГУЛАГа Борис Нахпетов, во врачебно-трудовую комиссию входили не только медики: возглавлял ее начальник лагерного отделения, также участвовали в заседании его помощник, начальник УРЧ (учетно-распределительной части) и руководитель производства. Но решающий голос в определении трудовой категории заключенного был за врачом – начальником санчасти, который советовался с коллегами-медиками (их в комиссии могло быть несколько).

Самой больной проблемой лагерной медслужбы был дефицит лекарств и элементарного оборудования. Врачи, а нередко это были выдающиеся специалисты, оказывались беспомощными перед болезнями, которые там свирепствовали: истощение от голода («дистрофия»), авитаминозы (цинга, пеллагра и куриная слепота), а также многочисленные инфекционные (туберкулёз, краснуха, брюшной и сыпной тиф, венерические заболевания и чесотка). Частыми бывали обморожения, разного рода раны и увечья, грыжи, непроходимость кишечника, гнойные инфильтраты и другие болезни, требующие хирургического вмешательства. По словам врача-з/к Йозефа Шольмера, особенно частыми среди заключенных воркутинских лагерей в 50-е гг. были недомогания, связанные с гипертонией и туберкулёзом...

Стационары и больницы были для борющихся за жизнь эзков единственным прибежищем, где они могли встретить доброе отношение и получить настоящую помощь. Врачи, исполнявшие свой профессиональный долг, в меру имевшихся в их распоряжении возможностей давали эзкам надежду и оказывали помощь.

...Весной 1942 г. в Абезь из местечка Мишяг (25 км севернее п. Канин Нос) переехал крупный лазарет Севжелдорлага. Начальником санотдела 4-го Абезьского отделения (вместо Новосадовой) был доктор Василий Николаевич Пудов, инспектором отдела работала Раиса Исаевна Штаркман – член семьи репрессированных, добрая, умная и прекрасная женщина. Ее муж служил в штабе Киевского военного округа, был расстрелян в 1938-м, и ей пришлось отбыть срок лишения свободы восемь бесконечно долгих лет. Сын Борис был на фронте.

Здесь уже сложился небольшой коллектив медработников местной больницы для вольнонаемных, которую возглавляла Ася Моисеевна Шехтер, добрый, внимательный, отзывчивый врач. Она оказывала огромную помощь в организации глазного отделения для заключенных. Работали прекрасные хирурги: глазной врач-хирург Борис Матвеевич Болтянский, Косич Олимпиада Степановна, Подсадный (вольнонаемный врач из Киева), врачи – Дмитриева, Куниевская, Савичева, Зебров, Иван Наркисович Иванцевич, средние медицинские работники: Екатерина Низовцева, Селякова Серафима, Раиса Ивановна Штаркман, Шмелева Дуся, Галина Синотова, Макарова Полина, Рассказова Мария, Вафушев Ким, Волкова Валентина. Обязанности медстатистика исполнял С.С.Васюхнов, потомок волжских бурлаков (освободился в 1946 г.).

На 6-м причале (6-й лазарет) работал молодой фельдшер И.П. Морозов, будущий глава Коми АССР. Начальником лазарета в годы войны был врач П.Н. Никифоров. В селе Абезь, что в устье Лемвы, впадающей в реку Уса, был небольшой медпункт (амбулатория), которым заведовала вольнонаемная врач Големба [28].

Уже в сентябре 1944 г. в Абези работали два Сангородка (№ 1 и 4). В лазарете на станции Кочмес (около 200 больных) работала врач Тамара Александровна Шарбе (уроженка Ленинграда, приговорена по 58-й статье, освободилась в 1941-м, оставлена в лагере по директиве № 185). Среди больных был генерал К.П. Пядышев, которого осудили за прорыв немцами Лужского оборонительного рубежа на подступах к Ленинграду. Здесь, на берегу быстрой северной речки Кочмес, он нашел последнее пристанище.

...Марк Каганцов, врач скорой помощи Воркуты, был удивлен, когда узнал, что в его родном городе «в года совсем былинные, когда срока огромные брели в этапы длинные» (В. Высоцкий) были граждане Франции. Вот они на фотографии – пять человек. На вопрос, откуда эта фотография, ему была предъявлена книга Пьера Ригульо «Французы в ГУЛАГе» (Париж, 1984). Действительно, сказал он, – Воркута вне времени и пространства. Вот так из искреннего удивления врача (которого за многие годы работы трудно удивить) вырастает символ опорного пункта освоения Крайнего Севера, города-крепости.

Одним из этих французов был Арман Малумян (1928–2007), сын профессора, врача-травматолога. Вскоре после возвращения из Парижа в Москву и затем на историческую родину и опять в Москву (1949) он был арестован и отправлен на Воркуту со статьей 58-6 (шпионаж). Освободился в середине 1950-х, вернулся в Париж. Был на поселке 7-й шахты старый казах, который помнил отца начальника особого воркутинского лагеря № 6 (Речного лагеря, то бишь Речлага) Деревянко по Беломорканалу и его дядю – по лагерям Печоры. И это был самый старый обитатель воркутинского лагеря (летом 1953 г. ему было 104 года) [29].

Еще одна история. Американец Джеймс С., отбывший срок в Воркутлаге, работал фельдшером санчасти

26-й шахты и на выходные собрался в город навестить дочь своего соседа, старого и больного литовца Альгирдаса Ш., который уже не мог ходить, а жил один. Девочка попала в больницу, которую недавно, пару лет назад, построили в самом центре города, на Московской улице. Рядом с больницей – двухэтажным зданием с неоклассическими колоннами – возвышался памятник Сталину. Мимо шли по своим делам горожане, неярко светило северное летнее солнце.

Подойдя ближе, Джеймс машинально отметил символику памятника – он стоял в окружении небольшого чугунного заборчика с греческим орнаментом, который обрамлял небольшой скверик, очертаниями похожий на лодку викингов. При этом Сталин стоял на «корме» этой посуды, сжимая в руках свиток непонятно чего. И вспомнился ему рассказ посадчика – ветерана шахты, грека из местечка Кабардинка, что возле Новороссийска – о том, что греческий орнамент – это очертания морской волны, а волна – символ жизни. Невесело улыбнувшись этому парадоксу – символ Зла в оковах символа моря – он зашагал дальше... Было холодное лето 1953 года...

Хотя Воркутинская детская больница действительно была построена в эпоху послевоенного сталинизма заключенными, это был также важный элемент городской инфраструктуры, который продолжал использоваться долгое время и после смерти Вождя. Она, как и многие другие сооружения, построенные заключенными и вольными, стоял как физическое проявление продолжающегося влияния Системы на жизнь советских граждан.

Кроме того, существование этой больницы сформировало жизнь детей и их семей на протяжении десятилетий. Именно в ней они получали медицинскую помощь, которая улучшила их жизнь, а кого-то и спасла от смерти. Кроме того, это были не только дети чиновников лагеря и рабочих, завербованных из-за пределов города. Чем больше заключенных освобождались из Воркуты в течение 1950-х гг., тем больше медицинскую помощь получали уже потомки бывших невольников – сотни, если не тысячи людей...

Там, где теперь улицы Московская и Шахтная, был лагерь, потом его перенесли на другую сторону шахты, западную, а на месте зоны стал строиться вольный поселок, который в ноябре (26-го) 1943 г. был преобразован в город Воркуту. Было тогда в новом городе мало вольных и много заключенных... (вольного населения было не более 5 тысяч человек. – М.Н.) [30].

В отличие от детей вольнонаемных рождение детей заключенных оформлялось справкой санотдела, где записана мать ребенка, а в графе «отец» ставился прочерк. Такие дети были в спецприемниках (Домах малюток) до двух лет, после чего их отправляли из Воркуты, Абези или Инты в детские дома министерства здравоохранения или образования, как правило, в более теплые края (сельхоз Красный Яг на Печоре, инвалидный лагпункт Адак на Усе, Архангельскую или Кировскую области). Матери после освобождения имели право вернуть ребенка, но если у них было поражение в гражданских правах, им запрещался выезд из мест лишения свободы, и воссоединение семьи откладывалось на несколько лет. Тогда женщины заключали фиктивный (а порой и настоящий) брак, чтобы супруг мог привезти ребенка.

Собираясь установить памятник матери, умершей в Минлаге в 1954, И.М. Хорол решил, что это должен быть символический памятник всем женщинам Гулага, погибшим в Инте. Поэтому, кроме личной памятной надписи «Хорол Зинаида Осиповна. 1908–1954. Светлой памяти дорогой мамочки, бесчеловечно убитой Гулагом», на цоколе памятника выбита еще одна надпись: «Безвестным и бесчисленным женщинам – жертвам сталинского террора. Имена ваши бессмертны». Памятник поставлен в километре от бывшего Сангородка Минлага (5-го лаготделения).

На 1 января 1949 содержащиеся в местах заключения осужденные женщины с детьми и беременные размещались в специально приспособленных помещениях (домах младенца) и в меньшей части в отдельных секциях общих барачков. Стоимость содержания одного ребенка, находящегося в детских учреждениях при местах заключения, обходился в день в 19 рублей 21 копейку или 7.012 рублей в год. Эта сумма складывалась из:

зарплаты аппарату и охране – 8 рублей,
питания – 7 руб. 50 коп.;
медикаментов и дезсредств – 1 руб. 26 коп.;
затраты на инвентарь – 1 руб. 20 коп.;
игрушки – 25 коп. и расходы – 1 рубль.

Средняя стоимость содержания одной заключенной женщины, имеющей при себе ребенка, обходилось в день в 12 руб. 72 коп. или 4,643 руб. в год. Общая стоимость содержания находящихся в местах заключения детей в год составляет свыше 170 млн руб. и неработающих беременных женщин и кормящих матерей в декретный период около 65 млн руб. Детей до 4-х летнего возраста было на 1 мая 1949 г. по всем местам лишения свободы около 26.000 чел. [31].

29 мая 1949 г. Указом «О возрасте детей, которые могут находиться при осужденных матерях в местах заключения» и постановлением Совмина № 2213 «О сокращении срока содержания при осужденных матерях

детей и передаче детей старше двух лет на содержание близких родственников осужденных или в детские учреждения» возраст содержащихся в детских учреждениях ГУЛАГа был снижен до двух лет. Дети более старшего возраста подлежали передаче на содержание близким родственникам осужденных матерей, а при их отсутствии или нежелании – в дома ребенка Минздрава СССР (на апрель насчитывалось 650 домов ребенка) и детские дома министерств просвещения союзных республик. Приказ МВД СССР № 0367 от 9 июня разъяснял, что «в случае отсутствия близких родственников или их отказа принять ребенка на содержание, детей в возрасте от 2 до 3 лет передавать в дома ребенка Министерства здравоохранения СССР, а детей старше 3 лет – в детские дома Министерств просвещения союзных республик»; этим же приказом предписывалось ежемесячно сообщать в ГУЛАГ данные о количестве переданных на содержание близким родственникам или в детские учреждения детей. Что происходило с детьми заключенных?

Еще в начале XX века детскими врачами Германии был выявлен так называемый «синдром госпитализации», который проявлялся у детей, надолго оторванных от родителей (больницы, детские дома и приюты). По данным Всемирной организации здравоохранения, в первые годы жизни у большинства воспитываемых вне семьи детей появлялись расстройства личности, которые выражались в поверхностных социальных связях, трудностях торможения эмоциональных реакций и иногда в ограниченности познавательной и перцептивной функции.

Поздние расстройства личности появлялись и в том случае, если дети после нескольких лет пребывания в этих учреждениях возвращались в семью... К трехлетнему возрасту они научаются более или менее самостоятельно одеваться, есть, быть опрятными и говорить. В основном они похожи на детей своего возраста, воспитываемых в домашних условиях. Правда, эти дети несколько отстают почти во всех областях развития психомоторики, существенно чаще болеют, чем воспитывающиеся в семье дети, и чаще детей, которые ходят в ясли. У них меньше сопротивляемость организма, живут они более изолированно, в защищенном от инфекции окружении [32].

Подходили к концу турбулентные 1950-е годы. Воркута и Инта приобрели вид благоустроенных городов, они стали настоящей базой дальнейшего освоения Севера. Абезь постепенно утрачивала позиции, достигнутые в 1940-е гг. Приходили в упадок мелкие поселки по трассе железной дороги от станции Косью до Воркуты и от станции Чум до станции Полярный Урал. Начался и постепенно набирал силу отъезд бывших заключенных и вольнонаемных. Им на смену приходили новые люди, но они попадали в те социальные условия, которые сложились в лагерное время. Грань между двумя самыми крупными социальными группами постепенно стиралась, многие привычки и традиции переходили к новичкам...

В 1959 г. на шахтах Воркуты было 2 405 руководящих и профессиональных должностей. 712 из них (28,5%) были заняты бывшими заключенными, осужденными по политическим статьям, 163 (6,5%) – членами Коммунистической партии. Среди 116 начальников производственных отделений 42 были бывшими заключенными и 17 коммунистами. Среди 721 наблюдателя было 240 бывших заключенных и 35 коммунистов. В комбинате «Печоршахтострой» среди 720 инженеров и менеджеров было 119 бывших заключенных и 134 члена партии. Среди 89 руководителей Капитальной шахты 86% были бывшими заключенными [33].

Для многих бывших заключенных и изгнанников, оставшихся в Воркуте, социальные сети стали мощной силой. Архивные и мемуарные свидетельства говорят, что социальные сети, сформированные в лагере, выходили за пределы «зоны» после освобождения. Бывшие заключенные полагались на других бывших заключенных, чтобы помочь утвердиться на свободе, особенно при поиске рабочих мест и жилья. Такая помощь (реципрокность по К. Поланьи) может принять форму временного места за пределами пространства и времени, чтобы искать постоянное жилье, сочувственное рассмотрение для поиска работы или постоянного жилья в общежитии.

Социальные сети, сформированные на третьем этапе кризиса идентичности, не только расширялись и адаптировались к новым обстоятельствам. В городе остались не только бывшие заключенные и ссыльные. Различные не заключенные сотрудники лагерного комплекса и связанных с ним отраслей также оставались в Инте и Воркуте во время их перехода из «среднего» города-крепости в обычный город, и они продолжали играть важную роль в городской жизни.

Все, кто жил в этих городах, выиграли от успешной эксплуатации угольных шахт, и этот фактор, похоже, проделал долгий путь для поддержания относительной социальной гармонии в *городе-комбинате*. Примеры, описанные выше, по общему признанию, ограничены. Но они действительно демонстрируют, что преэминентность в населении и трудовой практике означала, что многие из институциональных, социальных и экономических отношений продолжали жить после массовых освобождений 1950-х и быстрой трансформации ГУЛАГа.

Постоянное присутствие стольких бывших заключенных, изгнанников и должностных лиц лагеря означало, что многие отношения и практики, которые начались в одном конкретном политическом и

экономическом контексте, продолжали существовать в городе-комбинате, хотя и в несколько измененных формах. Так же, как лагерный комплекс не был четко ограничен в пространстве, он также не был ограничен во времени, и он продолжал оказывать долгосрочное воздействие на Воркуту и тысячи сообществ, связанных с ГУЛАГом по всему Советскому Союзу.

Те воркутяне, которые приехали сюда за длинным рублем, отличались варварским отношением к городу и природе. Переступив порог своей квартиры, такой воркутянин ведет себя на лестнице, во дворе и на улице хуже москвича, потому что, прожив на Воркуте десять или даже двадцать лет, он не чувствует себя здесь постоянным жителем, оттого ничего и не бережет. Подъезды в наших домах грязны, ободраны, двери разбиты, дворы между однообразными, унылыми пятиэтажными домами утопают в грязи, потому что коммунальные службы чистят только две-три центральные улицы, а жители бросают мусор где попало. Весной, когда сходит снег, – у нас это бывает в июне – мы выходим на субботники убирать наши дворы, чтобы на другой же день снова их загадить.

В Инте начиная с марта 1958 в течение года были ликвидированы все подразделения МВД, разобраны все вышки и ограды из колючей проволоки. Что касается заключенных, то специальная комиссия летом 1956 г. стала в срочном порядке пересматривать их дела. При этом подавляющее большинство тут же освобождалось из-под стражи как необоснованно репрессированные, а оставшихся переводили продолжать заключение в Воркуту, на цементный завод или на юг Коми края для работы на лесоповале.

Большинство отправляли в Красноярский край, на строительство Тайшетской железной дороги... Столь массовое и непредвиденное освобождение заключенных обернулось для них новой трагедией, правда, временного характера, перед каждым встал вопрос, где же жить? Выход был найден трагикомический – освобожденных людей вновь возвращали в бывшие лагерные бараки, превращаемые в своего рода квартирники для малосемейных или в общежития для одиночек.

Заключение

Только в 1953–1958 гг. приблизительно 105 000 заключенных были освобождены из лагеря в Воркуте и около 30 000 в Инте [34]. Хотя не все из этих бывших заключенных остались в городе, осторожная оценка предполагает, что по крайней мере одна треть населения Воркуты и одна пятая часть Инты в конце 1950-х гг. состояла из бывших заключенных и ссыльных. Эти бывшие заключенные вместе с десятками тысяч вербованных, в основном демобилизованных солдат и комсомольцев-добровольцев, которые приехали в город в рамках различных кампаний волонтерской трудовой мобилизации, такие как «социальный призыв» Хрущева, начатый в 1956 г., сумели противостоять тем, кто приехал в Инту и Воркуту за длинным рублем и о которых так презрительно отзывались П.О. Бурсиан и П.И. Негретов. С притоком населения бывшие заключенные и ссыльные обеспечили социальную опору города.

К началу 1960 г. шахты Воркуты отработали всё, что можно было отработать по примитивным технологическим схемам. Отработали свои запасы и были закрыты шахты № 2, 3, 4, 6, 8, 12, 19. Строительство новых шахт неминуемо должно было привести к удорожанию и без того не дешёвого воркутинского угля. Раздались первые голоса в пользу того, чтобы не строить новые шахты, а отработать имеющиеся и закрыть город. Тогда этого не произошло. Учёные и практики доказали, что глупо брать за основу расчетов стоимость тонны угля.

День городов-крепостей миновал, и теперь городское сообщество – это, прежде всего, место концентрации населения и промышленной деятельности на географической карте, тесно связанное с личными и имущественными интересами всех граждан в сфере его влияния, которая часто распространяется на и за пределами самого города [35]. Важно заметить (вслед за И.Л. Жеребцовым), что города *строятся и разрушаются силами закона и экономики, спроса и предложения, денежного потока и прибыли, в гораздо большей степени, чем силой идеалов, намерений, талантов и видения архитекторов и проектировщиков.*

Старая концепция города-крепости как общего предприятия (некоторые авторы считают хозяйство городов ГУЛАГа разновидностью феодального поместья) очень резко и драматично была ослаблена из-за разрушения его стен и превращения в более открытое состояние [36].

Таким образом, история Воркутского Гулага заканчивается в начале 1960-х гг., когда зона перестала быть определяющим фактором в городе. Правда, исправительно-трудовой лагерь существует в Воркуте и по сей день. Городская зона исчезла в прошлом, но ее социальный облик интересен не только с точки зрения исторического любопытства. Город современных шахтеров вырос на ядре заключенных, он существует в пространственных рамках, созданных в соответствии с логикой строительства концентрационного лагеря. Не так давно жесткие нормы, которые содержали шахтеров в порядке на шахтах, были отменены. Свободные шахтеры, начиная с периода Отечественной войны, пришли к зональным шахтам и заняли статусное положение рядом с заключенными.

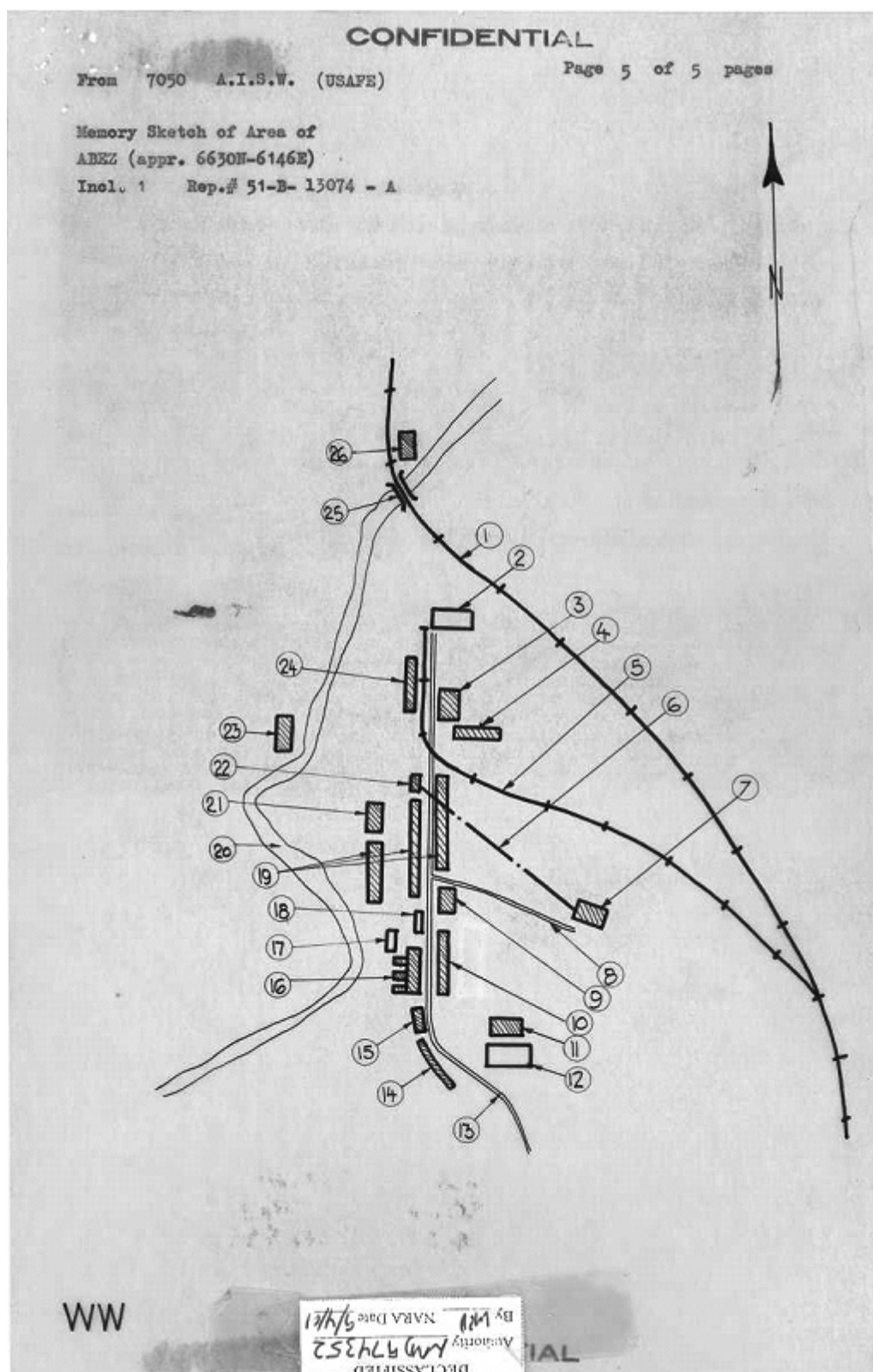
Тюрьма плавно превратилась в современную шахту, сохранив в ней свой дух. Новые поколения мигрантов прибыли в Воркуту и не имели никакой личной связи с ГУЛАГом, но они были погружены в атмосферу,

созданную в течение трех десятилетий, и, не замечая этого, были пропитаны им. Это источник уникального колорита Воркуты, легко замечаемого посетителями: крайняя географическая удаленность и отсутствие духа провинциализма, суровый нрав и мятежный дух, психологии временных работников, которых могут вытащить отсюда в любой день и глубокая враждебность к властям.

Литература источники

1. Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983. Исследования и материалы, серия 1-я, выпуск 23-й.
2. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность: Сб. научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.
3. Frances L. Bernstein, Christopher Burton, Dan Healey. Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science. Northern Illinois University Press, 2013. P.15. Рец.: Slavic review 2013 v. 40; 936–8.
4. Эптельбаум Энн. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с. Раздел «Санчасть: больницы и врачи».
5. Историко-культурный атлас г. Ухты / Ред.-составитель И.Д.Воронцова. Ухта: Изд-во Титул, 2009. 507 с. Раздел «История медицины и здравоохранения Ухты» (с. 355–376); Афанасьева Т.Г., Терентьева С.Б. Времена не выбирают: Из истории здравоохранения Печорского края. Сыктывкар, 2012. 271 с. URL: <https://neb.nbrkomi.ru/docs/common/RKOMIBIBL0000322778> (дата обращения: 18.11.2019); Григорова Н.И. Летопись интинского здравоохранения: взгляд сквозь время. Инта, 2013. 400 с. URL: https://infourok.ru/kniga_o_vrachah_goroda_inta.-398939.htm (дата обращения: 18.11.2019); Максимова Л.А., Беловол А.А. Городское население в Коми АССР в 1930–1950-е годы // Историческая демография. 2019. № 1 (23). С. 19–22; Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар, 2005. Очерк Г.В.Загайновой о населении Коми АССР в Историко-культурном атласе Республики Коми начинается с 1959 года, то есть выходит за пределы хронологических рамок данной статьи (с. 208–227).
6. Barenberg Alan. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press. 2014.
7. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998. 600 с.; Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000; Морозов Н.А. Воркутлаг // Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: Изд. дом Дрофа; изд-во ДиК, 1997. С. 132–133.
8. Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983; Кустышев А.Н. Применение подневольного труда в ходе освоения недр Коми АССР // Актуальные проблемы отечественной историографии. СПб.: Нестор, 1997. С. 47–49; Фаузер В. Население // Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 57–60; Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа, вып. 17).
9. “GULAG” The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia, New Edition Prepared for the Free Trade Union-Committee of the American Federation of Labor, 1951; Яковлев Б.А., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955 – Лондон, 1983; Печорский угольный бассейн. Сб.статей. Сыктывкар: Коми кн.изд-во, изд-е комбината Воркутуголь, 1957. 328 с.; Морозов Н.А. Операция «Wringer»: из истории деятельности американских спецслужб: (1946–1956) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Тезисы докладов III региональной научно-теоретической конференции (22 апреля 2004 г., Сыктывкар): В 2-х ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2004. Ч. II. С. 77–80; Морозов Н.А. История интинских лагпунктов // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Мат-ы Всеросс. науч. конф. (Сыктывкар, 29–31 окт. 2007 г.). Сыктывкар, 2009. С. 180–200; Морозов Н.А. Документы коллекции «Wringer» Национального архива США как источник по истории Коми АССР (1945–1955 гг.) // Становление и развитие системы управления в России. Сб. науч. статей. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. Вып. 7. С. 31–41; Морозов Н.А. Новые документы по истории территориального развития Воркуто-Интинского региона РК в послевоенный период (1945–1955) // История и перспективы развития Северных регионов России. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. С. 32–35.
10. Ложникова И.Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы: Автореф. на соиск. уч. ст. кандидата культурологии. М., 2008. 21 с.; Морозов Н.А. Дж. Стаффорд против Г. Эспенлауба: неизвестная страница Великой Отечественной // Былые годы. Сочи. 2010. № 3 (17). С. 5–10; Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Лабунова О.В. Культурная эволюция заполярного города: от города-концлагеря к городу-призраку (часть 1) Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар // Журнал Известия КНЦ УрО РАН, 2018.
11. Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) // Региональные исследования (Смоленский гос.ун-т). 2017. № 2 (56). С. 33–43.
12. Панин Димитрий. Солженицын и действительность. Париж, 1975.
13. Петкевич Т. Жизнь – сапожок непарный. В 2-х кн. М.: Балтийские сезоны, 2017. 1048 с.
14. Эптельбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 44.
15. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис, 1994. С. 607.
16. Подсчитано автором на основе архивных источников ГАРФ и НАРК с использованием некоторых данных из статьи В. Ильина (1999).

17. Шолмер Дж. Воркута / Пер.с нем. Роберт Ки // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1799. Л. 251–255.
18. Barnes Steven A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011; Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
19. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Петрозаводск: Изд-во Карелия, 1991. С. 167–168.
20. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1869. Л. 6.
21. Wringer Reports 52B-9655A (042), p.1; Угольная сокровищница Севера: Сб. документов и материалов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 300.
22. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 1; Д. 554. Л. 1, 6.
23. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.
24. Там же. Л. 11.
25. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 575. Л. 16–17, 18–19.
26. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 575. Л. 36–37.
27. Быховский Б.В. Живое слово: Повесть об одной судьбе. Б.м., 1994. 182 с.
28. Васюхнов С.С. Чересполосица // Петля-3: Воспоминания, очерки, документы / Сост. Е.А. Кулькин. Волгоград, 1996. С. 56–125.
29. Малумян А. Июль пятьдесят третьего / Пер. с франц. Л. Новиковой // Воля. 1997. № 6–7. С. 127–135; Šerėnas Algirdas (1930–1998). Vorkutos mirties lageriai. Vilnius, 1997. 672 p.
30. Негретов П. Все дороги ведут на Воркуту. Benson, Vermont, 1985. 235 с.
31. Петров Н.В. История империи ГУЛАГ, гл.11. URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava11.htm> (дата обращения: 18.11.2019).
32. Пиклер Э. Современные формы проявления госпитализма // Особенности развития личности ребенка, лишённого родительского попечительства. Дети с отклоняющимся поведением / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1989. С. 31–38.
33. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность: Сб. науч. трудов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.
34. Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. P. 203.
35. Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) // Региональные исследования (Смоленский гос.ун-т). 2017. № 2 (56). С. 33–43.
36. Morris D. Self-Reliant Cities: Energy and the Transformation of Urban America, New Rules Project, Minneapolis. 2008. 115 p.

Расшифровка схемы:

- 1 – ж.д. Инта-Воркута
- 2 – лесопильный завод, три рамы
- 3 – лагпункт на 1000–1800 чел., семь бараков, много иностранцев

- 4 – гарнизон охраны, 4 барака на 250–300 чел.
- 5 – ветка ж.д.
- 6 – высоковольтная линия электропередачи
- 7 – поселковая электростанция
- 8 – грунтовая дорога
- 9 – женский лагпункт на 500 чел.
- 10 – поселок вольнонаемных
- 11 – мужской лагпункт на 3000 заключенных, много иностранцев
- 12 – футбольное поле
- 13 – дорога через поселок в направлении на юго-восток
- 14 – Южный поселок из нескольких десятков небольших деревянных домов
- 15 – детский сад
- 16 – казарма охраны в три крыла на 300 человек. Сгорела в 1949 г., обвинили немецких военнопленных, которых срочно отправили обратно в Инту на шахты.
- 17 – котельная, 20х10х10 м
- 18 – двухэтажный деревянный клуб, 20х30х12 м
- 19 – бараки вольнонаемных, 10х6х5 м., каждый на 20–25 жителей
- 20 – река Уса
- 21 – рыбоконсервный завод, здание 30х40х20 м., двухэтажное, в 1949 г. уже не действовал.
- 22 – трансформаторная подстанция, кирпичная, 7х7х5 м
- 23 – деревня Абезь, где в 1946-48 гг. шла разведка на нефть, безуспешная.
- 24 – овощехранилище Абезьского лаготделения
- 25 – мост через Усу, длина около 3 км
- 26 – лагпункт, около 1000 заключенных, большинство – политические